

въ систематическое міровоззрѣніе. И всякая другая система казалась ему ненужной, невѣрной, и въ сущности была непонятной. Въ самой его спеціальной наукѣ у него не выработалось единого послѣдовательнаго начала. „Собраніе матеріала“ стало наконецъ его послѣднимъ дозунгомъ;—но вѣдь и для этого надо когда-нибудь осматриваться въ собранномъ, чтобы можно было разумно идти дальше?!. Наконецъ, даже въ частныхъ спорныхъ вопросахъ науки Срезневскій боялся принять опредѣленное рѣшеніе и вмѣсто вывода накоплялъ вопросы, догадки и недоумѣнія...

По переходѣ Срезневскаго въ Петербургъ, въ 1847, въ характерѣ его профессуры и ученой дѣятельности можно замѣтить значительную перемену. Онъ сталъ, безъ сомнѣнія, въ ряду лучшихъ профессоровъ филологическаго факультета; онъ производилъ впечатлѣніе своимъ обширнымъ знаніемъ и живымъ изложеніемъ, — но здѣсь его чтенія уже никогда не имѣли того успѣха, о какомъ рассказываетъ г. Де-Пуле. Толпы слушателей изъ всѣхъ факультетовъ уже не было (мы говоримъ о первыхъ 50-хъ годахъ): это были только слушатели изъ даннаго факультета и курса; и здѣсь далеко не всѣмъ лекціи внушали сильный интересъ. Вѣроятно, была иная аудиторія, — въ болѣе серьезно обставленномъ университетѣ (чѣмъ былъ харьковскій), менѣе отзывчивая на неопредѣленный народный романтизмъ; съ другой стороны, быть можетъ, обиліе официальныхъ отношеній, окружившихъ его въ Петербургѣ, недавній печальный исходъ романтическаго панславизма въ Кіевѣ, производили охлаждающее дѣйствіе и наоборотъ создавали новые практическіе интересы, — но съ тѣхъ поръ прежняго энтузіазма не было ни въ чтеніяхъ, ни въ сочиненіяхъ Срезневскаго, который все болѣе отдается подробностямъ, и все меньше настаиваетъ на общихъ положеніяхъ славянской науки и славянскаго современнаго движенія. Славянская и русская археологія, этнографія, древняя литература, палеографія обогащены множествомъ важныхъ частныхъ изслѣдованій Срезневскаго, — но онъ не обработалъ въ цѣломъ ни одного большого вопроса этихъ наукъ, и народный романтизмъ, которому онъ служилъ, не получилъ новыхъ теоретическихъ разъясненій.

Литература продолжала быть ему чуждой. Его собственная точка зрѣнія на славянское движеніе, котораго онъ былъ такимъ энтузіастомъ, не получала дальнѣйшихъ опредѣленій въ ряду другихъ направленій, и къ этимъ послѣднимъ онъ — въ случайныхъ бесѣдахъ, и никогда въ печати — относился развѣ только съ отрицаніемъ, нетерпимостью, ироніей, но не съ критикой и доказательствами.